

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

ПЕПР ПЕРВЫЙ

ОПЫТ ВОКРУГ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Двухпалубный пятидесятипушечный корабль «Предстаничина» стоял на погору, берегу, на стапелях, и стрелах. Крупная корма его, с тремя ярусами квадратных окон, изображала купола дубовых разбойников.

По черным бордам — два белых пояса, на молнии петлях откнуты пущенные юмы. Подсунены в резин паруса из сурговой парусины. На тупом носу, расположенному элегантно ниже кормы, голова вальда поддерживала мончики, как брешна, рукими длинный бушприт, несущий в отличие от прежних кораблей один только косые паруса. Корабль был построен по чертежам Петра, под наблюдением его, Федора Сильвестра и Аладушкина.

Солнце высоко поднялось, с зелеными колышами, за ветхими башнями. Воронка, День — безоблачный, прохладной синевы. Приятный ветер легким раби волы, заманчив распустить паруса, плыть — куды пополовине течет река, — в весенне матово.

На досчатом помосте, близ корабля, стояли стены с яствами и питьем. Ветром трепало углы суконных красных скатерей, первая на плащах, локни парусов, кисти офицерских шарфов. За столом сидели царица Прасковья и царевна Наталия с детками, посы и посланники голландские и английские купцы — Фома Гиль, Абраам Киникус и Генрих Стил, полки, немцы, неизит из Парижа, Амалия Киндерер, саксонский военный инженер Гамарт и только что прибывший с письмом короля Августа императорский герцог Гарри Евгений фон Круи. Гости, хотя бы и весьма родственны, но не столь сейчас важные — стояли за столами на помосте. Мастера разносили водку в деревянных ведрах.

Герцог фон Круи сидел небрежно между парней и царевнами, облокотясь покривал светлые усы, глядел невидяще — поверх. Но у него было дининий, криватый, лицо вялое с подглазными мешками, плоский парик начинился от самы бровей. Под лядовыми кафтандами — одренская лента, на шее — золотая на боках алмазные звезды.

Даже парнина с царевной побежали перед ним: — еще бы, — герцог — священная Римская империя, непод败имый вон, участник пятнадцати знатных сражений! Но, видимо, (так понимали московские, хотя и виду не показывали) — карман у герцога бы пустой, иначе бы — чорт его взнес в Воронеж... За стулом его стоял переводчик Петр Павлович Шадриков.

Герцог говорил, шуря красновато-желтыми веками:

— Россия прекрасная страна, русские — трудолюбивы и богобоязливы народ, женщины в России —

РИС. Б. АНТОНОВСКОГО

восхитительны. В Европе несколько удивлены настойчивым стремлением русских — воспринимать наши обычай, например одежду... Россия самим богом указана обратить взоры на Азию. Привести к подножию царского престола бесчисленное множество азиатских народов, проложить свободный путь в Персию и Китай — вот превосходящая задача для пользы всего христианского мира.

Герцог не окончил размышления: запнулся, запаркали ногами. От корабля быстро шел царь, — в голландских, до колена, бахроматых штанах, в парусиновой рубахе с закатанными рукавами, на затыл-

кистую непорочную девицу, не прыгая теперь слишком наудачу в переговорах о мире...

Антонида в нежно-лазоревом платье, Ольга — пронизительно-лимонном купалье в двухъярусной, досчатой, настоечном зале, — полтараста гостей сидели с внешней стороны поставленного пеком стола, — внутри возились шуты: — скакали в чехарду, дрались пузрыми с горючим, лязги, мухауки, поднимали такую визу — сено лежало на блюда и парики. На дураков никто уже не смотрел. Кильяна пыталася в жестяной митре под балдахином, умывая старик махать

— Жаловать? — — спросил. — Пожалуй, хрен с ним...

И ткнула яйцом по темени Ромы на Борисовича, — жалко потек по парку, — сунула в лицо трубы и ногой отткнула его. Шуты закружились. Посадили Романа на Волкова. Обверточное лицо — не брито, преображенский суженый кафтан смат — видимо только что вынули из походной сумки, за обшлагом торчал угол письма. Амалия сильно побледнела, — зрачки ее торопливо перебегали с наряда на Волкова. Она знала, что Василий с жеиной — заграницей... Сюда он прискакал, явно не с добрым ветром...

Петр ткнул пальцем на стул — рядом, не обворачиваясь сказал Волкову: «Садись». Подошел и, крив ульбаясь, Меньшиков, — в роскошном парике. Петр протянул руку. Волков поспешно подал письмо.

— От короля Августа, — сказал Петр, пристально глядя на Амалию. — Дурины зеети... В Ливии не спокойно... (Он вертел письмо, — решительно засунув его за борт кафтан). Ну что ж... Веселилась она не помешала... (И — Волков) Переяд в словах...

Волков принял слова было. Меньшиков с плеч посадил его и стоял облокотясь о спинку стула.

— Саксонское воево королю Августу вторглось в Либроплию без объявления войны, — замигала сказала Волков. — Пододели в Риге, но смогли занять лишь не велискую крепость Кобершанц. Город атако-

валось. Гости, чум новую ткучу, теснились вокруг помста. Шуты, проплели меж ногами, расселись на стульях. Кильяна вложили в руку крест из двух связанных тарабачных трубок, в другую — сюро письмо. Романа Борисовича поставили на колени. Растрошенный кильян поднял слон:

— Жаловать? — — спросил. — Пожалуй, хрен с ним...

И ткнула яйцом по темени Ромы на Борисовича, — жалко потек по парку, — сунула в лицо трубы и ногой отткнула его. Шуты закружились. Посадили Романа на Волкова. Обверточное лицо — не брито, преображенский суженый кафтан смат — видимо только что вынули из походной сумки, за обшлагом торчал угол письма. Амалия сильно побледнела, — зрачки ее торопливо перебегали с наряда на Волкова. Она знала, что Василий с жеиной — заграницей... Сюда он прискакал, явно не с добрым ветром...

Петр ткнул пальцем на стул — рядом, не обворачиваясь сказал Волкову: «Садись». Подошел и, крив ульбаясь, Меньшиков, — в роскошном парике. Петр протянул руку. Волков поспешно подал письмо.

— От короля Августа, — сказал Петр, пристально глядя на Амалию. — Дурины зеети... В Ливии не спокойно... (Он вертел письмо, — решительно засунув его за борт кафтан). Ну что ж... Веселилась она не помешала... (И — Волков) Переяд в словах...

Волков принял слова было. Меньшиков с плеч посадил его и стоял облокотясь о спинку стула.

— Саксонское воево королю Августу вторглось в Либроплию без объявления войны, — замигала сказала Волков. — Пододели в Риге, но смогли занять лишь не велискую

крепость Кобершанц. Город атако-

валось. Гости, чум новую ткучу, теснились вокруг помста. Шуты, проплели меж ногами, расселись на стульях. Кильяна вложили в руку крест из двух связанных тарабачных трубок, в другую — сюро письмо. Романа Борисовича поставили на колени. Растрошенный кильян поднял слон:

— Жаловать? — — спросил. — Пожалуй, хрен с ним...

И ткнула яйцом по темени Ромы на Борисовича, — жалко потек по парку, — сунула в лицо трубы и ногой отткнула его. Шуты закружились. Посадили Романа на Волкова. Обверточное лицо — не брито, преображенский суженый кафтан смат — видимо только что вынули из походной сумки, за обшлагом торчал угол письма. Амалия сильно побледнела, — зрачки ее торопливо перебегали с наряда на Волкова. Она знала, что Василий с жеиной — заграницей... Сюда он прискакал, явно не с добрым ветром...

Петр ткнул пальцем на стул — рядом, не обворачиваясь сказал Волкову: «Садись». Подошел и, крив ульбаясь, Меньшиков, — в роскошном парике. Петр протянул руку. Волков поспешно подал письмо.

— От короля Августа, — сказал Петр, пристально глядя на Амалию. — Дурины зеети... В Ливии не спокойно... (Он вертел письмо, — решительно засунув его за борт кафтан). Ну что ж... Веселилась она не помешала... (И — Волков) Переяд в словах...

Волков принял слова было. Меньшиков с плеч посадил его и стоял облокотясь о спинку стула.

— Саксонское воево королю Августу вторглось в Либроплию без объявления войны, — замигала сказала Волков. — Пододели в Риге, но смогли занять лишь не велискую

крепость Кобершанц. Город атако-

валось. Гости, чум новую ткучу, теснились вокруг помста. Шуты, проплели меж ногами, расселись на стульях. Кильяна вложили в руку крест из двух связанных тарабачных трубок, в другую — сюро письмо. Романа Борисовича поставили на колени. Растрошенный кильян поднял слон:

— Жаловать? — — спросил. — Пожалуй, хрен с ним...

И ткнула яйцом по темени Ромы на Борисовича, — жалко потек по парку, — сунула в лицо трубы и ногой отткнула его. Шуты закружились. Посадили Романа на Волкова. Обверточное лицо — не брито, преображенский суженый кафтан смат — видимо только что вынули из походной сумки, за обшлагом торчал угол письма. Амалия сильно побледнела, — зрачки ее торопливо перебегали с наряда на Волкова. Она знала, что Василий с жеиной — заграницей... Сюда он прискакал, явно не с добрым ветром...

Петр ткнул пальцем на стул — рядом, не обворачиваясь сказал Волкову: «Садись». Подошел и, крив ульбаясь, Меньшиков, — в роскошном парике. Петр протянул руку. Волков поспешно подал письмо.

— От короля Августа, — сказал Петр, пристально глядя на Амалию. — Дурины зеети... В Ливии не спокойно... (Он вертел письмо, — решительно засунув его за борт кафтан). Ну что ж... Веселилась она не помешала... (И — Волков) Переяд в словах...

Волков принял слова было. Меньшиков с плеч посадил его и стоял облокотясь о спинку стула.

— Саксонское воево королю Августу вторглось в Либроплию без объявления войны, — замигала сказала Волков. — Пододели в Риге, но смогли занять лишь не велискую

крепость Кобершанц. Город атако-

валось. Гости, чум новую ткучу, теснились вокруг помста. Шуты, проплели меж ногами, расселись на стульях. Кильяна вложили в руку крест из двух связанных тарабачных трубок, в другую — сюро письмо. Романа Борисовича поставили на колени. Растрошенный кильян поднял слон:

— Жаловать? — — спросил. — Пожалуй, хрен с ним...

И ткнула яйцом по темени Ромы на Борисовича, — жалко потек по парку, — сунула в лицо трубы и ногой отткнула его. Шуты закружились. Посадили Романа на Волкова. Обверточное лицо — не брито, преображенский суженый кафтан смат — видимо только что вынули из походной сумки, за обшлагом торчал угол письма. Амалия сильно побледнела, — зрачки ее торопливо перебегали с наряда на Волкова. Она знала, что Василий с жеиной — заграницей... Сюда он прискакал, явно не с добрым ветром...

Петр ткнул пальцем на стул — рядом, не обворачиваясь сказал Волкову: «Садись». Подошел и, крив ульбаясь, Меньшиков, — в роскошном парике. Петр протянул руку. Волков поспешно подал письмо.

— От короля Августа, — сказал Петр, пристально глядя на Амалию. — Дурины зеети... В Ливии не спокойно... (Он вертел письмо, — решительно засунув его за борт кафтан). Ну что ж... Веселилась она не помешала... (И — Волков) Переяд в словах...

Волков принял слова было. Меньшиков с плеч посадил его и стоял облокотясь о спинку стула.

— Саксонское воево королю Августу вторглось в Либроплию без объявления войны, — замигала сказала Волков. — Пододели в Риге, но смогли занять лишь не велискую

крепость Кобершанц. Город атако-

валось. Гости, чум новую ткучу, теснились вокруг помста. Шуты, проплели меж ногами, расселись на стульях. Кильяна вложили в руку крест из двух связанных тарабачных трубок, в другую — сюро письмо. Романа Борисовича поставили на колени. Растрошенный кильян поднял слон:

— Жаловать? — — спросил. — Пожалуй, хрен с ним...

И ткнула яйцом по темени Ромы на Борисовича, — жалко потек по парку, — сунула в лицо трубы и ногой отткнула его. Шуты закружились. Посадили Романа на Волкова. Обверточное лицо — не брито, преображенский суженый кафтан смат — видимо только что вынули из походной сумки, за обшлагом торчал угол письма. Амалия сильно побледнела, — зрачки ее торопливо перебегали с наряда на Волкова. Она знала, что Василий с жеиной — заграницей... Сюда он прискакал, явно не с добрым ветром...

Петр ткнул пальцем на стул — рядом, не обворачиваясь сказал Волкову: «Садись». Подошел и, крив ульбаясь, Меньшиков, — в роскошном парике. Петр протянул руку. Волков поспешно подал письмо.

— От короля Августа, — сказал Петр, пристально глядя на Амалию. — Дурины зеети... В Ливии не спокойно... (Он вертел письмо, — решительно засунув его за борт кафтан). Ну что ж... Веселилась она не помешала... (И — Волков) Переяд в словах...

Волков принял слова было. Меньшиков с плеч посадил его и стоял облокотясь о спинку стула.

— Саксонское воево королю Августу вторглось в Либроплию без объявления войны, — замигала сказала Волков. — Пододели в Риге, но смогли занять лишь не велискую

крепость Кобершанц. Город атако-

валось. Гости, чум новую ткучу, теснились вокруг помста. Шуты, проплели меж ногами, расселись на стульях. Кильяна вложили в руку крест из двух связанных тарабачных трубок, в другую — сюро письмо. Романа Борисовича поставили на колени. Растрошенный кильян поднял слон:

— Жаловать? — — спросил. — Пожалуй, хрен с ним...

И ткнула яйцом по темени Ромы на Борисовича, — жалко потек по парку, — сунула в лицо трубы и ногой отткнула его. Шуты закружились. Посадили Романа на Волкова. Обверточное лицо — не брито, преображенский суженый кафтан смат — видимо только что вынули из походной сумки, за обшлагом торчал угол письма. Амалия сильно побледнела, — зрачки ее торопливо перебегали с наряда на Волкова. Она знала, что Василий с жеиной — заграницей... Сюда он прискакал, явно не с добрым ветром...

Петр ткнул пальцем на стул — рядом, не обворачиваясь сказал Волкову: «Садись». Подошел и, крив ульбаясь, Меньшиков, — в роскошном парике. Петр